

**Александр ТАРАКОВ,
Николай ВЕРЁВОЧКИН (рисунки)**

ФОРМУЛА ЖЕНЩИНЫ

Параллельно – во всяком случае не перпендикулярно – с меньшей частью человечества, то есть сильным полом, на свете существует и большая часть – пол слабый. При этом общественное мнение, в котором понятно кто преобладает, утверждает, будто именно большая часть является лучшей.

В похвальном стремлении к самоутверждению выдающиеся мужи на протяжении почти трех тысячелетий пытались вывести формулу женщины, дабы упростить, «приземлить» и таким образом развенчать оную. За это время мудрецы-гордецы массу попутных открытий сделали. В том числе обогатили науку законом всемирного тяготения и теорией относительности, расщепили атом и покорили космос. Но гендерное невежество, помноженное на правовой нигилизм, выступило серьезной препойой в осмыслении и разработке сверхвопроса. Загадочная и неуловимая женская сущность перманентно ускользала из неуклюжих объятий смежного разума.

Стереотипы довели над титанами мысли, гносеология быта размягчала стойков? Трудно сказать. Только в постижении женской природы как те, так и другие мало продвинулись. С археологических эпох до наших суетных дней. Впрочем, судите сами.

Ахикар, писец ассирийского царя Синахериба из VII века до новой эры, оставил после себя клинописи в том числе и гламурного характера. Сохранился такой образчик его внеурочных бдений над глиной: «Истинная красота женщины – в кротости ее характера, а прелесть ее – в кротости ее речей». Великий слепец Гомер, лишенный возможности женщину видеть, похоже, и слышать ее не хотел, поскольку в том же духе изрек: «Женщину украшает молчание». Надо полагать, женоненавистничество «отца» всемирной классики вызвано комплексом Елены Прекрасной, надолго приковавшей сказителя к

эпосу. Должно быть, уже слагая последние гекзаметры «Одиссеи», старец в изнеможении резюмировал: «Нет ничего пагубнее женщины». На завершающий автограф и обозначение адреса, предположу, не достало сил, если не самой жизни. Не оттого ли семь городов донине спорят в отношении его гражданской идентификации? Остается пища для размышлений и специалистам в области авторских прав.

Позднее в ход пошли пергаменты. Не преминул на женский роток накинуть «бычий платок» материалист до мозга костей Демокрит: «Украшение женщины – молчаливость». Знать, мало ему атомистики стало – и в феминистике решил свое слово сказать. И тем самым изменил толерантной подруге-философии. А вот Менандру, вошедшему в анналы поэту-комедиографу, в посвящениях «параллельному» полу изменяло исправно кормившее его чувство юмора. Это не суровый Эсхил и не богобоязненный Софокл, а именно он сказал: «Не красота всякой женщины – золото, но ум и молчание». Ум в данном случае за комплимент не сойдет, ибо в порядке женской логики поглощается несвойственным понятием молчания. Кому нужна прямолинейность строк? Уж лучше бы пиит использовал фигуру умолчания.

Этим литературно-риторическим приемом, причем в историческом ракурсе, отменно владел основоположник мемуаристики Плутарх. Но и он, велеречивый и всеведущий, «лишал» щебетуний права голоса: «Порядочная женщина даже разговоры не должна выставлять напоказ, и подавать голос при посторонних должно быть ей так же стыдно, как раздеваться при них, ибо голос выдает и нрав говорящей, и свойства ее души, и настроение». Спасибо, хоть в душе исчадиям стыда не отказывал. Однако раскрываться сей нематериальной субстанции без хозяйского догляда категорически запрещал: «Целомудренная супруга должна показываться на людях не иначе как с мужем, а когда он в отъезде, оставаться невидимой, сидя дома». Потому что «...заводить собственных друзей жена не должна; хватит с нее и друзей мужа». То есть дарованную свыше душу «внутри» спутницы мужа биограф VIP-персон представлял покладистой, замкнутой, одомашненной, что ли, этой кошечкой на поводке.

Хотите – верьте, хотите – нет, но схожей позиции в отношении половой «оппозиции» придерживался и наш «сосед» по векам – ниспровергатель всех устоев и одновременно убежденный приверженец ... домостроя (не с упором на «дом»: сдавал в приют собственных детей) Жан-Жак Руссо. Во-первых, это сказано французом, во-вторых, философом, в-третьих, вольнодумцем: «Первое и важнейшее качество женщины – кротость» (!).

Таковы первые штрихи к собирательному образу ЕЁ. Из приведенных выше экспертных мнений вытекает, что лучшая женщина – сестра тишины, лишённая дара речи и возможности общения. В представлениях досточтимых мужей верная супруга к тому же создание робкое и трепетное, точно лань, неразлучное с хозяином, как улитка с раковинкой, приросшее к дому подобно очагу.

Вот вам частнособственнический, женовладельческий идеал. Далеким от реалий как античности, так и средневековья и прочих бурно- и вялопротекавших эпох. В действительности же подруга человека далеко не всегда казалась себя вергилиевой овечкой.

За аргументами вновь обращаюсь к Менандру. Что ж, комедиограф в своем амплуа: «Языкастая женщина – это суший ад»; «Мгла солнцу наносит вред, а распутная жена имуществу мужа своего»; «Злая жена – навсегда печаль»; «Женские ссоры выжигают весь дом». Вывод его однозначен, хотя и

вступает в противоречие с идеологией жанра: «Если хочешь прожить без печали, не женись».

Проживший ровно сто лет (1657–1757 гг.) Бернар Ле Бовье де Фонтенель (даже имя от возраста «вытянулось») уж точно имел время на размышления. И вывел следующую формулу женщины: «Красивая женщина для глаз рай, для души – ад, для кармана – чистилище».

Еще больше драматизировал значение женского фактора в истории и судьбах современник де Фонтенеля по второй половине жизни последнего немец Готхольд Лессинг – теоретик искусства и литературный критик. Носительницу всевозможных угроз он даже включил во всеобщую формулу бытия, в которой всё, что «кроме», сделалось как бы «производными функциями»: «Мир житейский – это часы, гири которых – деньги, а маятник – женщина».

А как они искусно мимикрируют! Куда там состояниям воды в природе – переменам женского мироощущения вовсе несть числа! Жан де Лабрюйер (первый импрессионист Франции, тоже из XVIII века), например, только в коллизии любви и коварства насчитал четыре степени женского предательства: «Непостоянная женщина та, которая уже не любит; легкомысленная та, которая любит уже другого; ветреная та, которая не знает, любит ли она и кого любит; равнодушная та, которая никого не любит».

По версии же блистательного афориста-моралиста, автора «Максим» Франсуа де Ларошфуко, казалось бы, такие универсальные данности, как ум и добродетель, у преобладающего пола подчас проявляются «шиворот-навыорот». Так, «ум большинства женщин служит не столько для укрепления их благоразумия, сколько для оправдания их безрассудств». Что же касается добродетели, то, на пронизательный взгляд искушенного француза, «на свете мало порядочных женщин, которым не опостылела бы их добродетель».

Непредсказуемость – тайное оружие богинь, муз, колдуний и простых обольстительниц, зачастую разившее наповал сильных мира сего. А осведомленность о его наличии подчас свергала мужей в уныние и депрессию. Родоначалник диалектики Сократ, и тот панически боялся женских чар, уверяя: «Любви женщины следует более бояться, чем ненависти мужчины; это яд, тем более опасный, что он приятен». Горькая ирония судьбы: философ умер от яда цикуты, к приему которого был приговорен за «поклонение новым божествам».

Стало быть, со своей участью в лице женщины лучше не спорить. Памятуя о том, что «женщина необыкновенно склонна к рабству и вместе с тем склонна поработать» (Николай Бердяев, легальный марксист, затем сторонник философии личности и свободы), «не думай ставить на вид женщине ее недостатки» (Публий Овидий Назон, знаток «науки страсти нежной»).

И морализировать, умничать и важничать на предмет или в присутствии дам не рекомендуется, ибо, согласно Бошону Эдм-Пьеру, «честь мужчины до

того отлична от чести женщины, что последняя смотрит на первую как на врага своего». При этом, как бы вы ни ухищрялись, врасплох объект воздыханий или иного рода притязаний не застанете, поскольку «женская догадка обладает большей точностью, чем мужская уверенность». В итоге же «самая глупая женщина может сладить с умной мужчиной» (в обоих случаях – Джозеф Редьяр Киплинг, бард британского колониализма). Если же такого не случится и противоборствующая сторона проиграет, то вскоре с легкостью успокоится, оправдав себя тем, что «в ошибке любой женщины есть вина мужчины» (Иоганн Гердер, 1737–1803 гг.).

Но не обольщайтесь, будто столь неотразимы. И знайте наверняка: «Как бы плохо мужчина ни думал о женщинах, любая женщина думает о них еще хуже». Это сказал французский писатель-моралист Никола Шамфор. Сдается мне, мораль его не в пользу пола, к коему сам принадлежит. А посему, господа, почему бы нам не поумерить амбиции, не обуздать гордыню и не довериться в делах амурных и дежурных ИМ – прекрасным и неподражаемым, любящим, порой ублажающим нас и параллельно выполняющим архисложную функцию «несущих конструкций» семьи и быта? Прислушайтесь, вчитайтесь! – древнеиндийская мудрость гласит: «Хорошая жена трудится на тебя, как слуга; дает советы, как советник; прекрасна, как богиня красоты; спокойна и вынослива, как земля; кормит тебя, как мать, и услаждает тебя, как гетера. Хорошая жена – шесть в одном».

Здорово же!

Так хватайтесь скорей за спасительный «поводок», который древние неразумно предназначали нашим путеводным «звездам»! Помните всегда доброе наставление наипервейшего в мире либерала Джона Милля: «Жена, не ведущая мужа вперед, толкает его назад».

А чтобы подобного не произошло, возьмите на вооружение девиз известного женолюбца – Дюма-отца: «Женщина священна; женщина, которую любишь, – священна вдвойне». Возьмите и действуйте! Чем формулу бесплодно выводить, уж лучше просто женщину любить. На сей раз никого не цитирую, сам вдохновился на высокий стиль.